ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА

1995 - 28 марта - С. 5.

Друзья, литература, жизнь

Константин ВАНШЕНКИН:

Мы «не заметили» постановления ЦК и писали так, как нам хотелось

Константин Ваншенкин не нуждается в особом представлении. Напомним только несколько строк биографии. Родился в 1925 году в Москве. Из десятого класса в 1942-м ушел в армию, служил в воздушно-десантных войсках. Участвовал в боях на 2-м и 3-м Украинских фронтах. Демобилизовался в конце 1946 г. в звании гвардии сержанта. Окончил Литературный институт. Первые стихи напечатал в 1948 г., а первая книга «Песня о часовых» вышла в 1951-м; одновременно в «Новом мире» Твардовский опубликовал стихотворение Ваншенкина «Мальчишка». К. Ваншенкин написал много книг: лирики, прозы, эссе, воспоминаний. Читатели знают его и как автора слов многих популярных песен: «Я люблю тебя, жизнь», «Алеша», «За окошком свету мало», «Как провожают пароходы», «Вальс расставанья» и других. Недавно вышел новый сборник его стихов — «Ночное чтение». Обратила на себя внимание авторская программа К. Ваншенкина на РТВ — «Лица и голоса».

— Константин Яковлевич, мы привыкли послевоенные годы рисовать одной черной краской: тяжелое время, стукачи, в результате — страх. И вдруг я читаю в одном из последних ваших интервью, что да, были идеологические постановления ЦК партии в 46-м, но, скажем, Слуцкий и Самойлов как бы не заметили их, не приложили к себе, а на вас с Винокуровым никто не обращал внимания, и вы стали писать так, как вам хотелось.

— Первые двое «не заметили» этого, потому что не печатались тогда, не бывали на суровых собраниях. А Винокуров и я не отнесли постановления к себе исключительно по наивности, потому они и прошли как бы над нами.

— Почему же все-таки так произошло? Оттого ли, что вы, гвардии сержант, пришли из ВДВ? И вы пишете, что армия была вашими университетами..?

— Нет, не в этом дело. Я сейчас написал статью для журнала, где наконец задаюсь вопросом: а зачем нужны были эти три постановления в течение трех недель их авторам? Не для того же такой могучий артналет, чтобы только поизмываться над Ахматовой и Зощенко! Нет, конечно. Они хотели отсечь почти все существовавшее прежде и начать совсем новую, сталинскую, литературу, на новом месте, с нуля. Если сейчас посмотреть списки бесчисленных лауреатов тех времен (после 47-го), то можно увидеть, на кого была ставка. Но, как известно, ничего у них не получилось, книги эти почти все давно забыты. А отторгнутое, но истинное — все осталось.

— Система была не всеохватна. Ее интересовали известные имена, а не появляющиеся?

— Да. Я в то время не был еще членом Союза писателей, был вне этой жестокой игры. Мы пришли недавно с войны. Кто-то замечательно сказал, что это разные вещи — воинская доблесть и гражданское мужество. А я еще прибавил: потому что первое всемерно поощрялось, а со вторым одни неприятности. На войне невозможно скрыть свою сущность, сразу видно, кто чего стоит. Так же произошло и здесь. И в целом у вернувшихся с фронта было большое доброжелательство друг к другу. Скажу честно: я никогда не завидовал никому из своих друзей, мне это и в голову не приходило. Премии там, и прочее...

— И это вы пронесли через жизнь.

— Вероятно, так. Когда у меня бывали успехи с точки зрения признания каких-то моментов, я тоже к этому относился хладнокровно. А сейчас, если я читаю интервью с молодыми (большинство из них уже стало пожилыми) критиками, беллетристами или стихотворцами и натыкаюсь на такие слова: «мы первые сказали», «мы первые открыли», — я сразу прекращаю это читать. И вообще в литературе нет такого понятия: «мы», если это не братья Гонкуры или не Ильф и Петров. То есть не соавторы. Литература — дело штучное, а не тусовочное.

— Вы сказали, что Сталин хотел сформировать новую литературу...

— Да, и кино, и театр. И другие сферы: вспомните тогдашнюю же опалу Жукова... Принцип: отсечь прежнее и начать с нуля. Но знаете, что поразительно? Теперешние критики-оценщики взяли этот же принцип. Они смыкаются таким образом со Сталиным и Ждановым. Они тоже заявляют, что следует все начать с нуля. То есть с них самих. Но если тогда это было мрачно и грозно, то теперь выглядит просто анекдотически.

Я далек от того, чтобы сказать, что все, кто воевал, — замечательные писатели. И, может быть, даже не все они замечательные люди. Но было нечто, что в жизни одобрялось, и были поступки, которые не допускались...

— Война характер заложила?

— Наверное. Сейчас сложились нелепые стереотипы. Все разложено по полочкам. А я приведу такой пример. Первый поэт, с которым я в жизни познакомился, и который очень меня поддержал, был М. В. Исаковский. Я еще до института начал печататься в «Комсомолке», там неофициально шефствовал над этим отделом П. Г. Антокольский. И женщины, которые там работали, захотели, чтобы он высказал обо мне свое мнение. Я посетил его с той же тоненькой тетрадочкой стихов, и он меня тоже одобрил. Я хочу сказать, что в общении и в неофициальных оценках существовал только литературный принцип. А сейчас!

— В 1951—1952 годах вы стали уже известным. И вас никто не цеплял?

— Ну что вы! Именно в 51-м я был сразу принят в члены Союза (тогда еще существовал институт кандидатов). Меня задевали в статьях беспрерывно: дегероизация, созерцательность, мелкотемье. А ведь эти действия критиков, может быть, и подсознательно, были направлены на то, чтобы я плохо писал. Не так, как я хотел, а как они хотели. А я сопротивлялся, как мог. Те же, кто поверил некомпетентным суждениям и сдался, — погибли как писатели. Это в той или иной мере существовало и потом. Позволю привести автоцитату. Я написал и напечатал это четверть века назад: «У меня нет влиятельных друзей, которые бы издавали все, что я написал, или восхваляли бы все, что я напечатал, только потому, что я их друг. Я не принадлежу к литературному руководству, не служу в редакции или издательстве, то есть от меня ничего не зависит. Вокруг моего имени никогда не было «истории», скандала — ни у нас, ни за рубежом. У меня только один выход — хорошо писать».

— А как сочетались критика и печатание? Ведь при Брежневе существовали запретные списки. Попал туда — и даже в «Вечерке» не появишься.

— При Сталине, разумеется, было еще хуже. Но практиковалось и другое: время от времени одергивали тех, кто был в полном порядке. Грубо, бесцеремонно, с хамскими формулировками: Симонова, Твардовского, Кожевникова, Полевого. Чтобы не забывали — кто он и кто они. Это считалось нормальным делом. В разгар разноса они могли вдруг получить Сталинскую премию.

— А поведение Хрущева как вы оцениваете с этой позиции? Он тоже хотел создать свою литературу?

— Я думаю, что у него тут не было никакой идеи. Ему внушили, что опасность исходит от художественной интеллигенции. Он по своей малограмотности поверил. Подзуживали люди, которых выдвинул еще Сталин. Разгром выставки в Манеже или ругань по адресу В. Некрасова после постыдной заметки М. Стуруа «Турист с тросточкой» — это же ужасно. Человек, вытащивший Сталина из мавзолея, проведший реабилитацию, психологически оставался в большевистской системе координат и жил по тем законам. Это характерно и для нынешних времен и деятелей.

— Константин Яковлевич, видимо, не случайно никто из ваших друзей в литературные генералы не вышел?

— Я воспринимаю писателей по-другому. Видя того или иного, я могу не помнить — в каком он Союзе. Но я за много лет знаю, как он пишет и что он собой представляет. Такое, собственно, и должно быть в искусстве.

— Константин Яковлевич, а вы общались когда-нибудь с КГБ?

— Меня вызывали раза три в качестве свидетеля. То есть интересовались моим мнением по поводу людей, которых я знал. Недоумевали, когда я давал им активную положительную оценку. Меня спрашивали: «Вы так уверены в этом?». Я отвечал: «Абсолютно».

— Вы прошли по жизни уверенным шагом.

— Это так кажется. Просто свойство характера, интуиция.

— Что вспоминается сегодня, если оглянуться на прошедшие десятилетия? Ведь никто не будет вспоминать, кто за эти годы сколько машин получил, или у кого лучше была дача, или сколько квартир, скажем, сменил? Наверное, даже не сравнивают, сколько книг за все годы вышло? Говорят: он был честный всю жизнь?

— Это нельзя противопоставлять. Есть писатели, от которых ничего не осталось. Казалось бы, все в порядке, и вдруг — раз... Как в сказке, где в песок рассыпаются фальшивые драгоценности. От писателя должны оставаться книги. Я, наверное, недостаточно протестовал в жизни против несправедливости. Недостаточно активно. Но сейчас я некоторым своим друзьям говорю: нельзя же беспрерывно, по каждому поводу подписывать коллективные письма. Такую статью, как «Не могу молчать», нельзя писать каждую неделю. Такое пишется раз в жизни, ну два. И еще — есть люди, которым очень лестно быть, как говорится, среди подписантов, рядом с Окуджавой, Искандером, Ахмадулиной. Они приходят домой, показывают газету жене и говорят: «Вот посмотри, мы с Булатиком». Это уже почти профессия. И вообще писателю больше пристало писать свой текст, а не подписывать чужой. Можно ли представить себе, чтобы Толстой, Достоевский, Некрасов и Салтыков-Щедрин подписали вместе что-либо, сочиненное не ими? Сейчас и у нас такие «документы» утратили всякую силу. Я же коллективные подписи признаю, к сожалению, только под некрологами.

— Константин Яковлевич, у вас, наверное, были друзья, которые открыто сопротивлялись власти?

— Конечно. Но, главным образом, тем, что они писали. Например, к Б. Слуцкому власть относилась очень подозрительно. А он был не просто честнейший человек, но по характеру своему комиссар. И войну прошел в политотделе — не формально. Бескорыстнейший, настоящий коммунист по натуре. Но как поэт, он был «не их человек», был для них почти неприемлем. Они подозревали, что его стихи как бы против режима. Кожей чувствовали.

— Расскажите о ваших отношениях с цензурой. Притесняла она вас?

— Интересный вопрос. Существовала могучая полутайная структура — Главлит. То есть цензура. У нее были инструкции — что можно пропускать в печать, что — нет. В военном, политическом и прочих смыслах. Но она забирала все большую власть. Ею придуман термин «неконтролируемый подтекст», и таким образом возможность вторгаться в художественную ткань вещи. Особенно свирепствовали цензоры в «неблагонадежных» изданиях («Новый мир») и были достаточно благодушны к материалам благонадежных изданий (тогдашнее «Знамя»), где всякая крамола выкорчевывалась еще в редакции. Так вот: самое важное! Можно было писать (даже подсознательно) вполне «проходимые» вещи, можно было вставлять в них всякие подковырки (вдруг проскочит!) и можно было писать явно непечатное. Даже не против власти как таковой, а просто с полной раскованностью, без надежд на напечатание. Эта было необходимо прежде всего для самого автора, для его свободы. Я впервые такие стихи написал сознательно тридцать лет назад и потом писал — для себя — время от времени. Однажды надоело терпеть, включил кое-что в книгу «Жизнь человека». Реакция последовала мгновенная: цензура потребовала снять 16 стихотворений.

— Но вы продолжали гнуть свою линию?

— Конечно. Я уже был другой. Но ведь и сейчас существуют неискореняемые стереотипы. Вот один мой друг недавно мне говорит, что, если бы не советская власть, он не был бы тем, кто он сейчас. Не получил бы образования, жил бы в деревне, крестьянствовал и т. д. И это вбилось в голову. А на самом-то деле, если бы не советская власть, то не вышли бы вперед и не получили бы своих должностей как раз люди, которые ничего из себя не представляют. Их советская власть выдвинула только благодаря происхождению, а не личным способностям. Я уж не говорю о Ломоносове. Возьмем уже упоминавшегося Исаковского. Он из глухой смоленской деревни, из беднейшей семьи, мать неграмотна, родила 13 детей, сам он больной с детства. И вот он написал стихотворение «Просьба солдата», и оно было напечатано в Петербурге, в газете «Новь», с редакционной припиской: «Автору 14 лет. Он окончил народное училище. Живет в деревне. Стихи переписал и отослал учитель, подписчик «Нови» № 5200 (Смоленской губернии)». Под стихами дата — 8 октября 1914 г.

Вы представляете! Учитель даже не счел нужным свою фамилию указать, а лишь номер подписного абонемента. Какая в России была сила благотворительности, доброты, внимания к бедным, но способным людям! А сейчас богатеям главное покрасоваться на тусовке перед телекамерой.

— Но какие-то сдвиги все-таки есть?

— Безусловно. Как раз хотел об этом сказать. Я недавно был на презентации новой газеты «Къ спорту!» Вернее, такая газета уже была до революции (отсюда твердый знак), и это — ее возрождение. Там были руководители Спорткомитета Москвы, знаменитые спортсмены, известные спортивные журналисты. И выступали спонсоры — представители крупных фирм и финансовых структур. Знаете, что характерно? Все они молодые, воспитанные, интеллигентные... Чуть не сказал: ребята... нет, не ребята, а специалисты. Знающие свое дело и задачу, искренне желающие помочь печати и спорту в трудный момент. Это меня порадовало.

— Константин Яковлевич, а когда вы поняли суть этой системы Ленина и ленинизма, в которой мы живем? Это ведь тоже страшный стереотип. У поэта интуиция должна быть острее.

— 37-й мою семью, слава Богу, обошел стороной. Но с ближними моих одноклассников это случалось. Так вот: в некоторых семьях считали необходимым обо всем рассказывать детям. Конечно, у них возникала некая ущербность. В нашем доме разговоров при мне на эту тему не бывало. Если же я задавал вопросы о знакомых, мне говорили: ошибка, разберутся и т. д. Каково было взрослым!

Если взять войну, то ее тоже можно определить одним словом: жестокость. По отношению к своим. Все эти штрафбаты, заградотряды, «смерши», трибуналы... А непризнание собственных пленных! И просто когда без необходимости клали людей за какую-нибудь деревушку только, чтобы начальству доложить. Общество адаптировалось к этой жестокости, люди привыкли жить впроголодь, большими семьями в маленьких комнатах и т. д. Если кто-нибудь ехал в дом отдыха, то у него все потом спрашивали, сколько килограммов он прибавил. Такие были критерии.

Когда произошли перемены, реабилитация (чаще посмертная), многие не могли этого принять. А потом следующий этап: Сталин был плохой, но Ленин был хороший.

— С этим мы прожили большую часть жизни. Ведь и Горбачева так встретили: нужно вернуться к ленинским принципам.

— Так и Никита говорил: ленинские нормы. И каждый новый генсек. А что это за нормы, мы узнали позже.

— Но раннего прозрения не было? Например, у Анатолия Аграновского это было?

— Начнем с того, что у него, когда он был подростком, репрессировали родителей. Тут прозреешь! А потом было понимание устройства системы. Мы с Толей не раз об этом говорили, он был мой друг. С этим было все ясно: система устроена и сконструирована так, что лучшие отбрасываются, а худшие поднимаются наверх. Люди ценятся не по деловым качествам, не по таланту. Как правило. Порочность системы заключалась в безразличии ее к человеку. Бороться с системой, как с таковой, могли только такие титаны, как Солженицын. А многие в искусстве только хотели, чтобы им не мешали работать. Если бы Пастернака никто не трогал, он бы никогда не оказался в эпицентре политики. Он хотел писать, и ему следовало дать такую возможность. Ценились крупные ученые, конструкторы. Некоторых я знал. Они относились к правительству с иронией, но понимали, что их дальнейшая работа зависит от того, как они будут там, наверху, числиться.

— Они знали, что ничего себе не могут позволить?

— Сахаров позволил — результат известен. Система расправлялась с каждым независимо от масштаба на полную катушку, потому что понимала, что нельзя допустить слабину. Она свою уязвимость ощущала. Солженицын, Сахаров, Григоренко сотрясали ее.

— Вам приходилось встречаться с руководителем отдела культуры ЦК партии Шауро, с его отделом?

— Шауро? Я был к нему совершенно безразличен, впрочем, как и он ко мне. С Поликарповым я был знаком, он до ЦК работал у нас в Союзе. А Беляев и Черноуцан даже помогали мне когда-то противостоять цензуре, правда, не слишком активно.

— Константин Яковлевич, вот мы остались без ленинизма. Вас не тревожит, когда говорят, что нужно придумать какую-то новую идеологию?

— Да нет, какую там идеологию! Это все должно происходить естественно, само собой. Навязывание идеологии ведет к тоталитарному государству. Ее нельзя придумывать, как, скажем, нельзя планировать любовь... Сейчас творится нечто чудовищное. Некомпетентность многих людей, которые руководят тем или иным делом, или просто нежелание им заниматься. И расслоение в обществе удручающее.

— Как вы относитесь к нынешним властям?

Вот я был на учредительном съезде партии, которую создал С. Н. Федоров. Он меня просто пригласил поприсутствовать. Это все было в течение одного дня! Там выступали делегаты из самых разных мест России. Вы знаете, я поразился, какие толковые люди, как глубоко и серьезно мыслят и говорят. И молодые, и средних лет. Если сравнить их с большинством депутатов Думы, то по уровню и ответственности эти люди выглядят гораздо предпочтительнее. Что же происходит?

— Конечно, Россия огромная, рождает таланты по-прежнему. Но опять нет им выхода наверх, система не пускает.

— Недавно в подмосковном Воскресенске состоялся вечер, посвященный, увы, памяти моей жены, писательницы Инны Гофф. Мы там когда-то жили, потом бывали наездами, — там долгие годы работал врачом ее отец. Она немало написала о Воскресенске. Так вот, какие там оказались энтузиасты! Вечер был подготовлен и проведен сердечно и профессионально. Иными словами, есть желание, но, видимо, нет постоянной привычки, морального поощрения.

— Нет той системы, когда учитель посылал стихотворения ученика в столичную газету или журнал?

— Именно этого и нет. У нас продолжают говорить, какая власть заботливая (она же и говорит), а дойдет до дела — толстые журналы на грани закрытия. А почему? Вот тем людям, что были на съезде у Федорова, не пришло бы в голову урезать культуру, я абсолютно уверен. А Дума — пожалуйста.

— Но есть еще один феномен, Константин Яковлевич, когда человек портится во власти. Кто-то из них вел хорошую демократическую кампанию, а вот пришли, получили эти оклады, посты, квартиры, дачи... Был человек нормальный, вдруг кресло... Конечно, не все, но большинство.

— Вот министр культуры Евгений Сидоров, по-моему, сильный министр. Не силовой, но сильный. Образованный, доброжелательный. И немало уже сделал. Но накат идет на всех, и он тоже замотан скандалами, все от него что-то требуют, а у него денег нет. А живет, между прочим, на скромной литфондовской даче в Переделкине.

— Хочу вас попросить вернуться к вашим друзьям, к «разговорам на кухнях». Я думаю, что вы с Аграновским и не на кухне говорили откровенно.

— Я как-то говорил в недавней радиопередаче о Толе, что он в жизни был человек осмотрительный, не конфликтный, быть может, даже осторожный. Но в статьях он был совершенно бесстрашен. Он для них и сохранял свою смелость. Мы же, естественно, обо всем говорили откровенно, тем более живя в одном доме с пятьдесят седьмого года. Сейчас моя беда в том, что я плотно вошел в полосу утрат, у меня практически почти никого не осталось из друзей — и старших, и ровесников. Вот Ян Френкель, очень близкий был мой друг, не было дня, чтобы мы не перезвонились несколько раз по всевозможным поводам. Вот Эдик Колмановский — тоже не только мой соавтор, но и дорогой человек. Женя Винокуров умер. А раньше — Бернес, его давно уже нет. Андрей Старостин... Осталось два-три человека, но вы их не знаете.

— Константин Яковлевич, а Аграновский вам рассказывал про брежневское окружение или он даже с вами какую-то границу соблюдал?

— Я познакомился у него дома с несколькими тогдашними функционерами второго или третьего ряда. Они были как бы его приятелями. А первого ряда были другие люди: генеральные конструкторы, академики, летчики-испытатели, врачи...

Толя неделями жил вместе с партийными функционерами на спецдачах, участвовал в подготовке докладов. Что-то удавалось ему вставить в доклад или фильм пробить...

— А ведь он был беспартийный, но это их не смущало. Вот назначить куда-то — это было невозможно. А когда на них работали — давай, паши, пожалуйста...

— Совершенно верно. Но ведь назначения никакие ему не требовались.

— Константин Яковлевич, может быть, в заключение прочтете новые стихи, еще не опубликованные?

— Извольте.

Могуч закон природного отбора,
С ним каждый подсознательно знаком.
Бредет в обнимку парочка от бора
Иль в дом заходит, щелкая замком.
Жизнь выстроится так или иначе,
Согласно ухищрениям своим...
Господь дает условия задачи,
Решать ее приходится самим.

Беседовал Валентин ГОРДИН